

КЛОПОВСКИЙ

ФОНАРЬ

Эпопея
в полифоническом
ключе
КОНСПЕКТИВНО

Николай Rostov

Николай Rostov
Клоповский фонарь.
Эпопея в полифоническом
ключе конспективно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47411498

ISBN 9785005054265

Аннотация

Эпопея писалась по горячим следам того времени (1989 г.), сладостного и наивного до маразма. Содержит нецензурную брань. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвертая	11
Глава пятая	13
Глава шестая	14
Глава седьмая	16
Глава восьмая	17
Глава девятая	21
Глава десятая	22
Глава одиннадцатая	23
Глава двенадцатая	24
Глава тринадцатая	26
Глава четырнадцатая	27
Глава пятнадцатая	31
Глава шестнадцатая	34
Глава семнадцатая	37
Глава восемнадцатая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Клоповский фонарь
Эпопея в полифоническом
ключе конспективно

Николай Rostov

Корректор Яна Веретнова

© Николай Rostov, 2019

ISBN 978-5-0050-5426-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

**О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг...**

Телепередача «Очевидное и невероятное»

...И случай, бог изобретатель.

А. С. Пушкин

Клопов, город областного подчинения, центр Клоповского р-на Клоповской обл. РСФСР. Пристань на р. Клоп (приток Клоповницы). Ж. -д. станция на линии Москва – Клоповск. 54 тыс. жит. в 1972; 21 тыс. жит. в 1939. Впервые упоминается в 1193. В 1785 К. стал уездным городом Клоповской губ. До 1917 К. славился своими клоповскими калачами и сохами.

В К. – швейная, мебельные ф-ки. Педагогический и-т. Краеведческий музей.

В К. родился герой Гражд. и Великой Отечест. войн генерал-лейтенант Клопов Т. Г.

Большая Советская Энциклопедия, третье издание, Т. 12,

Часть первая

Глава первая

Страна, взьерошенная перестройкой, спала.

Ночь была июньская, беззвездная, безлунная, и только в городе Клопове, на его единственной центральной площади одинешенько горел в российской темени кромешной городской фонарь, демаскируя местность.

Вот этот фонарь и засекло с высоты в тысячу триста километров летящее неопознанное космическое тело, получившее у нашего народа, а потом у мировой и у нашей науки название, которое я позволю себе утаить, как говорит один из героев моего произведения, из чисто стратегических соображений (и не гадайте: не НЛО, и на последнюю страницу не смотрите: я, может быть, совсем его утаю).

К рассвету оно (XXX) уже находилось от него (от фонаря) на расстоянии невооруженного взгляда.

Глава вторая

*Это город. Еще рано. Полусумрак, полусвет.
А потом на крышах солнце, а на стенах
еще нет.*

*А потом в стене внезапно загорается окно.
Возникает звук рояля. Начинается кино.
Ю. Левитанский*

Эпиграф к этой главе я выбрал, мягко говоря, не совсем точно.

Последний рояль в городе Клопове видели в апреле 1919 года в белогвардейском обозе полковника и уроженца здешних мест князя Борьки Клопова, отступающего под неудержимым натиском красных, которыми легендарно командовал начдив Клопов Т. Г., ныне мирно проживающий в городе Клопове генерал-лейтенантом в отставке. Что же касается всего остального содержания в эпиграфе, то оно соответствовало реальности: ХХХ зависло на высоте в четыре метра над фонарем, и в ту же минуту из своего окна, освещаемого городским фонарем и раннеутренним солнцем, подойдя к нему (к окну), проснувшись от нехорошего, но радостного предчувствия и надев шлепанцы, выглянул местный рэкетиер Серега Клопов, намечаемый местной мафией города Клопова в лидеры местного неформального экстремистского движения «П***ть» города Клопова.

Выглянул в окно он еще и потому, что ему приснился сон: ХХХ зависло на высоте в четыре метра над фонарем.

Убедившись в обратном, т. е. в том, что сон ему не врет, он отошел от своего окна с возгласом «Ну, кино!»; лег в постель, закинув свои шлепанцы под кровать; повернулся на правый свой бок – и продолжил смотреть свой сон.

Глава третья

Серегин сон синхронно совпадал с действительностью.

Из ХХХ вылезли три инопланетянина, почти похожие на нас.

Глава четвертая

В восемь часов утра о прилете ХХХ и трех инопланетян знал весь город Клопов.

В восемь часов десять минут утра о ХХХ и трех инопланетянах было доложено в область.

И только на третий день в программе «120 минут» была дана краткая и устная информация о якобы прилете инопланетян со ссылкой на Би-би-си и районную газету «Клоповский фонарь».

А тем временем жизнь в городе Клопове давно потекла по новому руслу. Сперва робко, как весенний ручей в еще сугробистом овраге, а потом все звонче, полноводнее и голосистей!

С утра и до позднего вечера на центральной площади у фонаря шли митинги.

Митинг открывал Серега Клопов одним и тем же словом: – Товарищи! – И говорил хорошо.

Говорил о России-Расеюшке, о ее бедах, о ее невзгодах и ее страданиях. Говорил, будто пел блатную песню – жалостную, со слезой. И настоящая слеза текла по его выбранной щеке и подбородку.

Потом предоставлял слово инопланетянам.

– Товарищи! – начинал кто-нибудь из них. И так же говорил хорошо по-русски, как и Серега, правда с японо-грузин-

ским акцентом:

– Дэрмо, а не жизнь у вас, у россиян, товариси!

Клоповцы на первом митинге «дэрмо» съели молча, даже с удовольствием.

Съели и на втором – и на третьем.

Съели и на четвертом, но уже без удовольствия. Кто-то даже крикнул (кажется, бывший легендарный начдив Клопов Т. Г.): «Сам дерьмо!» – и был удален милицией и спецвойсками (ОМОН еще нарождался).

На пятом же митинге Сереге, почти уже лидеру клоповского неформального экстремистского движения «П***ТЬ», не дали договорить даже его первого слова «Товарищи!». Закричали: «Сам товаришь, дэрмо инопланетное!» – и стащили с фонаря, после чего митинг мирно распустили.

Глава пятая

А на следующее утро в своем палисаднике Анфиса Петровна Клопова нашла труп убитого инопланетянина.

Глава шестая

Иван Иванович Клопов, бывший клоповский милиционер и уволенный из кооператива «Агент» по причине правды-матки, которую он за пятнадцать дней до убийства инопланетянина врезал председателю этого кооператива, полол свою клубнику, а его жена Пелагея ушла в гости к Анфисе Петровне Клоповой.

Это был высокий, тощий пятидесятилетний красавец мужчина, как говорила ему в глаза об этом его жена Пелагея – высокая, статная, сорокапятилетняя стерва-баба, как говорил Иван Иванович – и тоже в глаза.

Стояло июньское позднее утро. По синему небу неспешно плыли белые облака.

Итак, Иван Иванович полол клубнику и не знал, что Анфиса Петровна, к которой пошла в гости его стерва-баба, сегодня ранним утром нашла в палисаднике труп убитого инопланетянина.

Только через сорок минут придет Пелагея, и он узнает об убийстве инопланетянина, тяжело вздохнет, вымоет колодезной водой свои узловатые руки, закурит «казбечину», посидит-подумает, глубоко вздохнет – и начнет свое частное расследование убийства инопланетянина.

Итак, он ничего не знает и полет свою клубнику, а его стерва Пелагея сидит и слушает Анфису Петровну.

– Я так и охнула, Пелагея, так и спужалася. И вот здесь у меня защемило всю. – И Анфиса Петровна – красивая, сорокапятилетняя аппетит-бабеночка, как ласково иногда говорит ей об этом Иван Иванович, кладет свою правую полную руку на свою полную левую грудь. – Так и охнула и испужалася. Сияющий!.. Как... – она произносит, деликатно хихикнув, матерное слово (солидарно подхихикивает и Пелагея). – А руки у него... вот так! – И Анфиса Петровна взмывает свои полные красивые руки вверх.

Глава седьмая

Следственная группа Прокуратуры СССР приехала в город Клопов московским спецпоездом в тот же день.

Глава восьмая

Сторож морга Василий Григорьевич Клопов – философического ума старик, потому и спрашивает Ивана Ивановича:

– Скажи, Вань, что за штука такая эта перестройка? Весь закордон ее в одночасье в свой интерес и лексикон взял, а Михаил Сергеевич нам о ней уж сколько лет талды-талды, а мы ни в зуб – и ни в Красную Армию! Он даже, бедный, сам теперь в ней заплутал. А, Ваня?.. То-то и оно! Марксизм, одним словом. Опиум для народа. – Сторож замолкает, чешет затылок и уносится куда-то в своих мыслях (наверное, туда, где этот чистый, без единой соринки марксизма опиум для народа производят) – возвращается и продолжает философический монолог: – Или скажи, я вот всю свою жизнь при мертвяках прожил и смерти не боюсь, а жить почему-то еще хочу? Ответь-ка, Вань. Тогда уж, так и быть, покажу я тебе инопланетянина.

– Живой ты пока, потому жить тебе и охота, – отвечает бывший клоповский милиционер уверенно, но и с угрозой в голосе. Мол, могу это недоразумение в момент исправить, к инопланетянину этому отправить.

– Верно. В самую сердцевину вопроса сказал. В охотку живу, – как бы не замечает угрозы в голосе Ивана Ивановича и насмешливо добавляет: – А ты меня на должностное преступление, как шкета сыплющего, соблазняешь. Эх, Ваня. –

Опять чешет затылок, потом смотрит в желтые, будто прокуренные, глаза частного сыщика таким беспощадно сиротским взглядом, что только один этот сплошной никотинный нагар может и выдержать.

Но не будем так уж сразу очернять бывшего клоповского милиционера. Просто Иван Иванович тертый калач, и на такие сиротские штучки-дрючки его не купишь, а про этого, с философическим складом ума, он такое знает, что к нему лишь из-за большой нужды пришел. Труп инопланетянина для своей частной экспертизы посмотреть.

А сторож морга продолжает издеваться.

– Если ты его так уж хочешь посмотреть, – говорит он простодушно, – то его вскорости хоронить будут. Там и поглядишь. Бесплатно! – И прямо-таки закатывается.

– Я сейчас хочу! – напирает ободренный словом «бесплатно» Иван Иванович, бывший милиционер, а потом за правду-матку выгнанный председателем кооператива «Агент» с должности агента по борьбе с нарождающейся в Клопове проституцией и давно процветающим Серегиным рэкетирством привокзальных старушек, торгующих на радость пассажирам проходящих поездов горячей картошкой с лучком и укропчиком, похмельным малосольным огурчиком, грибами-ягодками; агентом по ловле сбежавших из дома котов в период весеннего кошачьего беспутства; агента... В общем, выгнанный с должности агента по всякой перестроечной всячине, ободренный словом «бесплатно», напирает;

а Василий Григорьевич, переспросив: «Значит, Вань, сейчас хочешь?» – бьет в самый корень его интереса:

– А зачем? Частный сыск запрещен. – И задумчиво добавляет: – Да у тебя, пожалуй, и не получится.

– Это почему же?

– Таланту в тебе такого нет.

– А поспорим?

– На ящик водки!

– А давай!!!

Они протягивают друг другу правые руки, как бы здороваясь.

– А кто же нас разнимет? – спохватывается сторож, и Иван Иванович сообразительно и глумливо подсказывает:

– Инопланетянин.

– А что ж, пусть разнимет.

Идут в морг.

В морге холодно и пусто.

– А где же инопланетянин, Василий Григорьевич?

– Он у меня, Вань, по первому мертвецкому разряду – в холодильнике. – И вдруг истошно орет: – Отбой! Его следствие сургучной печатью запломбировало.

– Не бойсь, Григорич, печать не трону.

– Ну да, ну да, ты же у нас главный франкмасон.

Подходят к холодильнику, Иван Иванович осматривает печать, говорит:

– Плевое дело. Дилетант ставил.

– Ишь ты, дилетант. Ее сам из Москвы засургучивал, а ты – плевое дело. Я даже его спросил: как там Гдлян? А он насупился сурово, по-прокурорски: разберемся!.. Ну, открывай, что ли, профессионал частного сыска!

Глава девятая

Иван Иванович распахивает холодильник.

Глава десятая

Он пуст.

Глава одиннадцатая

...

Глава двенадцатая

Сергея проснулся среди ночи и стал сочинять стихи. Вот что у него получилось сразу.

*Серый дождик воробьиный
стекла серые сечет.
Про березку и рябину
детский хор поет.*

А потом он ворочался-ворочался, подходил даже к окну и смотрел на звезды; курил, но путного стиха все равно в голову больше не лезло. Он бросил сочинять и стал вспоминать: свою школу, школьный актовый зал, занавес и кулисы из оранжевого плюша, запевалку Соню, поющую песню про березку и рябинку, и зазвучал вдруг в его голове Сонин голос:

*Край родной, навек любимый.
Где найти еще такой,
Где найти еще такой?*

И ему стало очень хорошо – и слеза, словно звезда по небосклону, скатилась по его щеке. И вдруг матерное сочинилось!

*На далёкую чужбину
журавли летят.
Вот такую, блин, картину
вижу, мать!.*

Глава тринадцатая

Соня Клопова три года тому назад окончила среднюю школу и уехала в Москву.

Покантовавшись там с годик, купила на Ярославском вокзале плацкартный билетик на верхнюю боковую полку – и айда по России!

Накатавшись по стране досыта, наглядевшись на жизнь допьяна, вернулась в свой родной Клопов, не затаив обиду ни на Москву-мачеху, ни на Россию-матушку, ни на горемычный белый свет.

Только и сказала матери: «Бывает», – когда та ее спросила: «Ну как, Сонька, нашла счастье?»

Глава четырнадцатая

А дождик с четырех сторон

Уже облек и лес и поле.

Так мягко, словно хочет он,

Чтоб неизбежное – без боли.

Д. Прасолов

Привокзальный скверик. Пасмурно. Вот-вот пойдет дождь. На скамейке сидит Соня. К ней подходит Иван Иванович.

– Не возражаешь? – говорит он милицейским тоном и садится рядом.

– Не возражаю, – вяло отвечает она.

– А вдруг мешаю? Может, свиданка у тебя с кем?

– Моя свиданка, дядь Вань, последняя... в седьмом классе была.

– Ой ли?!

– По себе, что ли, судите? Так с Анфисой Петровной у вас не свиданки, а прятки.

– От кого это прятки?

– От Пелагеи вашей – супруги законной!

– А ну-ка потише!

– Не бойтесь, не найдет она вас. Она с вами не в прятки, как вы с ней, а в жмурки играет. Дождик, кажется, пошел.

Соня подставляет ладонь, ловит дождевую каплю, зажи-

мает в кулаке.

– Ты ее точно божью коровку, – усмехается Иван Иванович.

– Пойду я, дядь Вань.

– Постой, – берет он ее за руку. – Разговор у меня к тебе есть.

– Какой разговор? – освобождает она руку.

Иван Иванович достает «казбечину». Закуривает.

– Про свиданку свою последнюю расскажи... с инопланетянином, – говорит, сделав две затяжки, и делает третью.

– Не могу, дядь Вань. Протокол подписывала.

– Ишь ты! – качает он головой. – Да брось ты, – чуть ли не бьет Сою по руке, – ловить свои капли!

Она разжимает кулак и, глядя на капли дождя, падающие на ладонь, читает тихо и монотонно:

*Листа несорванного дрожь,
И забытье травинок тощих...*

– Это ты о чем? – недовольно перебивает ее Иван Иванович.

– Это не я... Прасолов, – отвечает она отрешенно.

Капли на ее ладони, еще не слившиеся, лежат гроздью белой смородины, и она кладет в рот с ладони эту смородинную гроздь дождя, делает движение рукой, словно срывает губами с веточки ягоды, и говорит, как бы согласившись с ним,

с Прасоловым, отведав этих ягод:

*...И надо всем еще не дождь,
А еле слышный мелкий дождик.*

И опять подставляет ладонь под капли.

– Прасолов? – уверенно, тоном все знающего, небрежно уточняет Иван Иванович. – Следовательно, что ли, из Москвы?

– Нет, поэт из соседней области, – отвечает Соня, стряхивает капли с ладони и продолжает читать стихотворение:

*Сольются капли на листе,
И вот, почувствовав их тяжесть,
Рожденный там, на высоте,
Он замертво на землю ляжет.*

– Абсолютно! – сочувственно гаркает Иван Иванович. – Летел-летел к нам с такой высоты – и замертво! А ты, – добавляет укоризненно, – «протокол подписывала». – И говорит как можно душевней, не скрывая, правда, на нее, Соню, свою горькую обиду: – Я не для протокола тебя спрашиваю. Что под протокол ты сказала, я знаю. Но разве душу-то под него выговоришь?!

Выговаривать свою душу Соня не хочет и вне протокола – и откровенничает, грубо, по-бабьи, говорит:

– Беременная, Иван Иванович, я от него. А про последнюю мою с ним свиданку... ну что сказать? Недолго он у ме-

ня был. К начдиву нашему полулегендарному торопился.
Замолкает.

Молчит и Иван Иванович. Наконец Соня шепчет:

*Но все произойдет не вдруг:
Еще – от трепета до тленья —
Он совершит прощальный круг
Замедленно – как в удивленье.*

*А дождик с четырех сторон
Уже облег и лес, и поле.
Так мягко, словно хочет он,
Чтоб неизбежное – без боли.*

А дождь разошелся вовсю.
Жесткий. Холодный.

Глава пятнадцатая

Генерал-лейтенант Клопов Т. Г. прожил жизнь суровую, но веселую.

Одним словом, военную.

Он, будучи ровесником века и сыном пролетариата по причине круглого своего сиротского происхождения, в девятнадцатом году был уже красным начдивом – и всласть порубал своей шашкой и белых, и черных, и желтых, и зеленых, и прочий несознательный цвет Гражданской войны – и все это на скаку, на рысях, аллюром и галопом.

Весело процокал его рафинадный кавалерийский конь и по брусчатке Красных парадов вплоть до тридцать седьмого.

Тут его биография сделала крутой слом, но ненадолго.

В сорок первом году о нем лично вспомнил товарищ Сталин и лично назначил командовать взводом – и зорко потом следил за ним, отмечая иногда в своих приказах Верховного Главнокомандующего.

Пройдя в боях от комвзвода до командующего фронтом, Клопов Т. Г. получил положенный ему орден Победы, а в сорок восьмом году – положенные ему двадцать пять лет колымских лагерей.

В пятьдесят третьем его реабилитировали, вернув партбилет, звание и даже его легендарную шашку, и он продолжил

дальнейшее прохождение своей службы уже без «веселых» катавасии в своей биографии, но и без прежнего блеска.

В семидесятом году вышел в полную генеральскую отставку, но уехал жить в свой родной город Клопов, купил там неказистый дом и стал писать свои, модные – и в масть тому времени, мемуары, итожащие его и советского Государства легендарные жизни.

Так бы он их вскорости написал, но грянул год восемьдесят пятый.

Переписывать мемуары заново согласно новой исторической доктрины начдив не счел возможным, да и было лень, а т. к. он считал себя не вправе бросать в сей очередной грозный час свое Отечество, то занялся политической деятельностью.

В подробности его деятельности я входить не буду. С генералом мы хорошие знакомые – и поэтому поливать его грязью не хочу. Но один факт все-таки вынужден сообщить, т. к. он непосредственно связан с дальнейшим изложением событий в моей эпопее.

Итак, факт.

Хотя на широко дискутируемый в народе вопрос «Будет ли гражданская война или не будет?» генерал-лейтенант Клопов утверждал утвердительно: «Нет, не будет, не позволим!» – он все же посетил клоповский краеведческий музей, где вечным хранением хранилась под стеклянной витриной его легендарная шашка, и стал подумывать о покупке кавалерийского ордена.

лерийского коня, благо был введен в действие закон на частную лошадиную собственность.

Глава шестнадцатая

Внучка Клопова Т. Г. Лариса деловито провела Ивана Ивановича в кабинет генерал-лейтенанта в отставке, так же деловито сказала: «Он скоро будет. Ждите!» – и оставила одного.

Кабинет бывшего легендарного начдива представлял собой обыкновенную деревенскую комнату: широкие лавки вдоль голых деревянных стен, домотканый коврик на некрашеном полу, грубо сколоченный еловый стол, ходики с кукушкой, численник на гвозде в простенке между подслеповатыми окошками, две колченогих по-фельдмаршальски табуретки.

Я было хотел написать: две колченогих по-кутузовски – но поостерегся.

Чего?

Сам не знаю чего.

А почему все же это фанфарное слово «по-фельдмаршальски», не удержавшись, употребил, знаю – и скажу.

Потому употребил, что генерал-лейтенант Клопов в отставке живет по-фельдмаршальски.

А почему он так живет, узнаете, когда прочтете главу двадцать седьмую. А сейчас настоятельно рекомендую эту главу прочесть, так как в ней я обнаружю один из многочисленных документов генерала.

Вынужден обнаружить, потому что образ бывшего начдива без этого документа будет неполным и противоречивым. Я (как бы выразиться попроще) через него (документ) даю, опосредованно конечно, используя его подтекст, психологический портрет Т. Г.

Замечу попутно, что этот документ весьма и весьма характерен для того сладостного времени (июнь 1989 г.), в котором происходят события моей эпопеи. Времени сладостного до маразма.

Иван Иванович, оставшись один, кабинет осмотрел прездительно и мельком (он жил по-городскому и побогаче), опасливо сел на одну из табуреток «фельдмаршала» – и тотчас заметил на столе тетрадный листок в клетку, небрежно, по-командирски выданный из ученической тетрадки. Из любопытства, но не праздного, взял и стал читать «Меморандум к гражданам России героя Гражданской и Великой Отечественной войн генерал-лейтенанта Клопова Т. Г.».

Вот содержание «Меморандума» дословно!

Пункт первый. Граждане России, над нашей Родиной нависла смертельная опасность, а именно:

Пункт второй. Инопланетяне прилетели в наш город Клопов, отсюда:

Пункт третий. Граждане РОССИИ, к оружию!

От чтения третьего, самого энергичного пункта «Меморандума» Ивана Ивановича отвлек энергичный голос начдива:

– Что, молодой человек, энергично сказано?

Глава семнадцатая

– Абсолютно! – не сразу ответил частный сыщик, дочитывая третий пункт.

Глава восемнадцатая

– А внука говорит – чушь собачья, – ответил ему Клопов Т. Г. и вздохнул укоризненно: – Вот и верь после этого молодежи.

Бывший легендарный начдив из тактических соображений беспардонно врал и лукавил. «Внука» сказала не так – она сказала гораздо энергичней: «Чушь очередная – генеральская!»

– Да, молодежь, – негодуя поддакнул Иван Иванович, но внутренне согласился с «внукой» Ларисой: «Да, чушь еще та – с лампасами!»

– А я, братец ты мой, коня купил! – уже как своему сказал Клопов Т. Г. – Поздравь.

Но Иван Иванович почему-то не поздравил, и генерал-лейтенант насупился и сухо спросил:

– Чем обязан?

– Меня интересует, начдив, – польстил ему «начдивом» Иван Иванович, чтобы замять свою промашку с поздравлением, и замаялся, но тут же нашелся по старой милицейской привычке: – Где вы такого доброго коня приобрели?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.